

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Марины Николаевны Ивановой

«Особенности функционирования цитаты

в русской постмодернистской литературе»,

представленную на соискание

ученой степени кандидата филологических наук по специальности

10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

«О постмодернизме на сегодняшний день имеется огромная литература на всех языках, о цитате в постмодернизме не написано почти ничего. Это обстоятельство, на первый взгляд, трудно объяснить, ведь именно постмодернизм, по свидетельству разных исследователей, стал идеальной питательной почвой для цитаты»¹. Сказанное Н. В. Семёновой в 2002-м году справедливо, как ни странно, до сих пор. Практически нет (см. данные Российской государственной библиотеки) специальных исследований, полновесных диссертаций и монографий, посвященных бытованию цитаты в постмодернистских текстах. Обращение М. Н. Ивановой в ее диссертационном исследовании к этой теме обеспечивает ему как несомненную актуальность, так и научную новизну, каковым способствует и избранный угол рассмотрения проблемы: исследовательница ставит перед собой задачу продемонстрировать качественно новую природу и функции постмодернистской цитаты по сравнению с природой и функциями цитаты традиционной.

На наш взгляд, диссертант глубоко вникла в рассматриваемое проблемное поле и убедительно определила теоретические понятия, являющиеся принципиальными для ее исследования цитаты как «элемента

¹ Семёнова Н. В. Цитата в художественной прозе (На материале произведений В. Набокова). Тверь, 2002. С. 152.

“чужого” текста, включенного в авторский (“свой”) текст»², в постмодернистской литературной парадигме. Для этого М. Н. Ивановой пришлось скрупулезно и критически разобраться в соответствующих приметах и фигурах постмодернизма, в частности, в его пресловутой вторичности и «смерти Автора».

Так, М. Н. Иванова разграничивает, с одной стороны, «вторичность» как принципиальную установку на заимствование и, с другой, «вторичность» как качество текста, являющегося вариантом текста «первичного» (основного, порождающего), поскольку «не всякий полицитатный, как и не всякий постмодернистский текст, является “вторичным текстом” в терминологическом смысле этого слова» (с. 17). Это терминологическое уточнение оказывается совершенно необходимым: оно расширяет горизонты диссертации, определяя главный критерий выбора материала и позволяя учесть и не оставить вне поля зрения исследовательницы и за бортом исследования как те тексты постмодернизма, которые несомненно являются вторичными, так и те, которые вторичными назвать нельзя.

Вторым основополагающим понятием постмодернизма, подвергающимся в представленной работе критическому осмыслению, является, как уже было сказано, «смерть Автора». По убеждению диссертанта, «<x>отя постмодернистский текст не нацелен на прямое выражение авторской позиции, это не говорит об ее отсутствии. В постмодернистском тексте авторская позиция прочитывается исходя из комбинирования цитаций и взаимодействия их друг с другом и с авторским словом» (с. 16).

Это понимание, в свою очередь, позволило М. Н. Ивановой отказаться от выбора теорий интер- и гипертекстуальности французских (пост)структуралистов (Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Женетта) в качестве методологической основы диссертации. В самом деле, при их

² Фоменко И. В. Цитата // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 293.

ориентированности, вслед за лингвистами, на понимание высказывания как «пустого процесса», «превосходно» совершающегося само собой, «так что нет нужды наполнять его личностным содержанием говорящих»³, этим теориям не хватает коммуникативности, тогда как ставшая для них отправной точкой концепция диалога М. М. Бахтина позволяет учесть как сосуществующие в одной цитате несколько сознаний, «голосов», так и возникающие на границе цитаты и ее контекста «диалогические обертоны». Именно бахтинская концепция как методологическая основа диссертации позволяет М. Н. Ивановой проанализировать особенности функционирования русской литературной постмодернистской цитаты и «выстроить классификацию основанных на цитировании постмодернистских текстов в соответствии с ролью цитаты в их структуре» (с. 4).

Собственно, разбор вышеозначенных двух принципиальных характеристик постмодернизма составляет содержание первой, теоретической, главы диссертации. Кроме этого, отдельным разделом (1.2.) этой главы, логично носящей название «Полицитатность русской постмодернистской литературы: теоретические аспекты», предлагается та самая типология постмодернистских текстов, основанных на цитировании, в которой, на основании характера организации в них цитат, выделяются коллаж, центонный текст, римейк, апгрейд и неполицитатный текст с цитатным заглавием. Эта «рабочая» (автореферат, с. 7) классификация постмодернистских текстов, «открыто акцентирующих свою полицитатность и использующих ее как ключевое средство смыслопорождения» (с. 22), созданная на основании уже существующих на сегодняшний день исследований в области описания особенностей подобных литературных текстов (А. Н. Самарина, Н. А. Фатеевой, М. А. Черняк и др.), проверяется и уточняется затем во второй, практической, главе диссертации, носящей

³ Барт Р. Смерть Автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 387.

название «Реализация нетрадиционных функций цитаты в литературе русского постмодернизма».

Вторая глава состоит из шести разделов – по числу выделенных ранее типов постмодернистских текстов, основанных на цитировании, и среди этих шести подглав наибольшими по объему являются четвертая и пятая, обе, кроме того, посвященные римейку: римейку как таковому и римейку с общим прототекстом. Такое распределение объемов соответствует представленному в классификации постмодернистских текстов из раздела 1.2. первой главы диссертации и не удивляет – ведь, несмотря на то, что римейк гораздо старше постмодернизма, до конца его природа, как утверждает диссертант, «еще не ясна, на данный момент среди исследователей нет единого взгляда на римейк» (с. 29), а между тем, благодаря поведению в нем цитаты (авторский «речевой центр» подчиняет в нем себе «чужое» слово), римейк предлагает широкий спектр «общения» с прототекстом: он может отличаться от прототекста жанром (диссертант разбирает это на примере «Чайки» Б. Акунина), может «переписывать» мифы и закрепленные в литературной форме биографические мифы (здесь материалом выступил роман «t» В. Пелевина), позволяет выявить «цитатный инвариант», то есть «общее, неизменное смысловое ядро определенной цитаты» (с. 111), что М. Н. Иванова демонстрирует на примере римейков Л. Петрушевской «Гамлет. Нулевое действие» и Б. Акунина «Гамлет. Версия». На фоне римейка оказывается возможным наглядно рассмотреть апгрейд, который выступает неким его антиподом, поскольку в нем «чужое» слово «сопротивляется» доминированию «речевого центра» высказывания и не просто остается видимо «чужим», но оказывается основным, что, как доказывает диссертант, рассматривая апгрейд Льва Николаева «Анна Каренина», порождает непредусмотренный автором текста комический эффект.

Должным образом рассматриваются в диссертации и другие типы постмодернистского текста с различной организацией в них цитаты. Так,

коллажи – фрагменты романа Т. Толстой «Кысь» и поэмы В. Ерофеева «Москва-Петушки», – в которых цитата выступает «пустым знаком», реализуют не смыслы своего источника, а буквальный свой смысл как языковой единицы.

Центонный текст за счет цитат, относящихся к одной теме или одному источнику, и, соответственно, взаимоусилению «диалогических обертонов», оказывается способен порождать подтекстовые сюжеты. Так, в романе Т. Кибирова «Лада, или Радость» их оказывается достаточно много: мифологический, христианский, славяно-языческий, филологический, игровой и даже отдельный «набоковский», и все они доминируют над основным, реальным планом текста.

Наконец, в неполицитатных текстах с цитатным заглавием (рассказах «Наш человек в футляре» и «Крыжовник» В. Пьецуха, «Химич» Ю. Буйды, цикле рассказов «Картинки» С. Солоуха) цитата в заглавии, не оправдывая ожидания читателей прочесть очередной полицитатный текст, выступает «минус-приемом», внося в текст дискуссионные «диалогические обертоны».

Следует отдельно положительно отметить, что суть работы цитаты в каждом из шести типов постмодернистских текстов, основанных на цитировании, наглядно представлена М. Н. Ивановой уже в самих подзаголовках второй главы диссертации: «Цитата как “пустой знак” (в коллаже)», «Цитата как основа подтекстового сюжета (в центонном тексте)», «Цитата как основной текст (в апгрейде)», «Цитата как средство “перезаписи” прототекста (в римейке)», «Цитата как средство формирования цитатного инварианта (в римейках с общим прототекстом)» и «Цитата как “минус-прием” (в заглавии неполицитатного текста)».

В целом, наблюдения диссертанта над поведением цитаты в русской постмодернистской литературе представляются достаточно убедительными. Автор последовательно рассматривает в выбранных текстах «особенности смыслообразования на границах цитаты и ее диалогизирующего контекста» (с. 4), сопоставляет механизмы функционирования в них цитаты,

предлагает свою их интерпретацию. На основе анализа избранных произведений выстраивается достаточно четкая картина бытования цитаты в русском литературном постмодернизме, а также фрагмент теории цитаты как таковой. Таким образом, помимо собственно вклада в теоретическую проблему (постмодернистской) цитаты, работа М. Н. Ивановой предлагает уточнение как поэтики самого художественного направления (литературного постмодернизма), так и – в большей или меньшей степени – поэтики отдельных писателей и конкретных произведений.

Возникшие к диссертации М. Н. Ивановой вопросы не затрагивают собственно выстраиваемой в ней концепции. Это вопросы методологического и интерпретационного характера, вызванные к жизни интересным исследованием и касающиеся формулировок и терминологии и имеющие целью уточнить положения и выводы диссертации.

Прежде всего, хотелось бы уточнить следующий момент. Если диссертант отказалась от выбора в качестве методологической основы идей французских (пост)структуралистов, стоит ли, выстраивая классификацию постмодернистских текстов, основанных на цитировании, прибегать за поддержкой к размышлениям Н. Пьеге-Гро (при выделении особенностей центонного текста и римейка, с. 26 и 28), которая строит свою типологию интертекстуальности «вслед за Женеттом»⁴ (и рассматривает, соответственно, цитату как таковую и бурлескную травестию)?

Этот вопрос влечет за собой другой, вызванный исключительно научным любопытством. В своей работе М. Н. Иванова не рассматривала полицитатных текстов жанра *мэшап*. Это неудивительно: диссертант прямо говорит, что предложенная ею «классификация не претендует на полноту охвата всех разновидностей текстов постмодернизма» (автореферат, с. 8), а мэшап, являясь популярным жанром западной массовой литературы («Гордость и предубеждение и зомби» и «Авраам Линкольн: охотник на вампиров» Сета Грэм-Смита, «Королева Виктория: Охотница на демонов»

⁴ Пьеге-Гро Натали. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008. С. 84.

А.Э. Мурата и многочисленные подобные названия), у нас в стране, насколько нам известно⁵, представлен лишь одной книгой – романом Татьяны Королёвой «Тимур и его команда и вампиры». Главное же, как нам представляется из названий перечисленных книг и одной прочитанной нами книги («Разум и чувства и гады морские» Бена Уинтерса), мэшап-тексты, будь они рассмотрены в диссертации, оказались бы в классификации, предложенной М. Н. Ивановой, апгрейдами или римейками, в том числе и римейками, пересоздающими биографический миф. Хотелось бы, чтобы диссертант прокомментировала наше предположение.

И еще хотелось бы уточнить частный вопрос про смерть Автора в романе В. Пелевина «t». Диссертант опирается на размышления М. Н. Липовецкого о несходстве установок русского и западного постмодернизма и разных понимании и реализации в них концепции «смерти Автора» (с. 12). Так, «если для западного постмодернизма так существенна проблема дифференциации, дробления <...>, смещения границ <...>, децентрализация сознания (последний фактор, в частности, выражает себя в концепции “смерти автора” как смыслового центра произведения), то русский постмодернизм рождается из поисков ответа на <...> сознание расколотости, раздробленности <...>, не на метафизическую, а на буквальную “смерть автора”, перемалываемого государственной идеологией, – и из попыток <...> восстановить, реанимировать культурную органику путем диалога разнородных культурных языков» (с. 12). Почему в финале романа «физическое уничтожение автора» Ариэля, то есть тот факт, что одерживает верх граф Т. как читатель, становящийся «сам для себя творящим началом, и писателем, и героем, и читателем», собирающим и дописывающим «свою судьбу» (с. 109-110), подается как «иллюстрация» именно бартовского положения о смерти Автора, то есть западного постмодернизма?

⁵ Невский Б. Литературный секонд-хенд. Мэшап – дитя нового века [Электронный ресурс] // Мир фантастики. № 100. декабрь 2011. – Режим доступа: <http://www.mirf.ru/worlds/chto-takoe-mashup> (дата обращения: 26.02.2017)

Очевидно, однако, что заданные нами вопросы не касаются сути проделанной работы, носят исключительно частный и полемический характер и не влияют на общую положительную оценку диссертации М. Н. Ивановой. Научное ее значение не вызывает сомнений. Автореферат соответствует содержанию диссертации. В научных публикациях автора основные положения работы находят достаточно полное отражение.

Диссертация, таким образом, вполне отвечает требованиям, изложенным в пп. 9 – 14 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

На наш взгляд, М. Н. Иванова заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры иностранных языков

Тверского государственного технического университета

Ирина Сергеевна Беляева

Контактные данные: Тверь 170023, ул. М. Конева, д. 12, ТвГТУ, ауд. У-418. Тел. рабочий: +7 (4822) 78 93 54. Тел. мобильный: +7 960 716 30 46. E-mail: irina_eng@mail.ru.